БИБЛІОТЕКА
МОСКОВСКАГО
АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
Шкафъ 12
Полка
№ 96
Инвентарь:
№

Отъ Славянск. Библіот. Берлинъ. Ауд.

ИМПЕРАТОРСКАГО
МОСКОВСКАГО
АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО
ОБЩЕСТВА

РАЗНОСТИ
ПРАВОСЛАВНЫХЪ И ПАПИСТОВЪ ВЪ УЧЕНІИ О ЦЕРКВИ.

БИБЛІОТЕКА
ДУХОВНОЙ
АКАДЕМІИ.
394
32

I.

О главенствѣ Христовомъ и главенствѣ папы.

ПРИ сличеніи катихизисовъ православныхъ и латинскихъ въ ученіи о Церкви, заключающемся въ IX членѣ Символа вѣры, становится очевидно яснымъ, что въ православныхъ катихизисахъ съ особеннымъ удареніемъ говорится объ единой невидимой Главѣ Церкви, Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ, причемъ необходимости въ видимой главѣ не признается; латинскіе же катихизисы хотя и признаютъ Христа Спасителя невидимою Главою Церкви, но останавливаются исключительно на раскрытіи значенія, достоинства и величія видимой главы въ лицѣ римскаго епископа. Причины такой разности заключаются, какъ мы сказали [1]), въ неодинаковости взглядовъ той и другой Церкви на ученіе о главенствѣ Христовомъ.

Мы утверждаемъ, что латины преувеличиваютъ значеніе въ Церкви римскаго епископа и, закрывая главенствомъ его главенство Христово, чрезъ то извращаютъ въ Церкви самый порядокъ спасенія. Дальнѣйшее изложеніе покажетъ основанія, по которымъ мы такъ утверждаемъ.

Основнымъ и исходнымъ пунктомъ нашего изслѣдованія служитъ та мысль, признаваемая одинаково и латинами, что

1) См. нашу статью, подъ тѣмъ же заглавіемъ, въ августовской кн. „Стран-
[illegible] г.

БИБЛІОТЕКА ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА

главенство Христово не есть только отвлеченное умопредставленіе о владычествѣ Его надъ Церковію, но живое, внутреннее, основное начало церковной жизни, которое опредѣляетъ собою живыя отношенія членовъ церкви какъ къ главѣ ея, Христу Спасителю, такъ и взаимно другъ къ другу.

Въ изложеніи катихизическаго ученія о Церкви мы уже представили ученіе о главенствѣ Христовомъ. Повторимъ вкратцѣ сказанное.—Христосъ Спаситель есть въ истинномъ и дѣйствительномъ смыслѣ Глава Церкви. Ввѣривъ управленіе Церкви епископамъ, Онъ Самъ остается верховнымъ ея пастыремъ, оживляя ее спасительною благодатію Духа Святаго, Самъ невидимо учитъ, священнодѣйствуетъ и правитъ,—Самъ низводитъ на вѣрующихъ Духа Святаго, который почіетъ на нихъ въ благодатныхъ дарахъ *премудрости* и *разума*, *совѣта* и *крѣпости*, *вѣдѣнія*, *благочестія* и *страха Божія* (Ис. 11, 2, 3); и приноситъ въ нихъ духовные плоды: *любовь*, *радость*, *миръ*, *долготерпѣніе*, *благость*, *милосердіе*, *вѣру*, *кротость*, *воздержаніе* (Гал. 5, 22, 23) и другія добродѣтели. Установивъ пастырей, чрезъ которыхъ, какъ чрезъ свои видимыя орудія Онъ изливаетъ свою благодать на вѣрующихъ,—Онъ въ тоже время и Самъ непосредственно входитъ въ общеніе съ каждымъ изъ нихъ. *Се стою при дверяхъ и толку, и аще кто услышитъ гласъ Мой и отверзетъ двери, — вниду къ нему и вечерямъ съ нимъ и той со Мною* (Апок. 3, 20, также Іоан. 14, 21). Въ такое общеніе со Христомъ—посредственное и непосредственное—входятъ всѣ вѣрующіе безъ различія пола, возраста и служенія, и дѣлаются участниками, каждый въ свою мѣру, благодатныхъ даровъ Св. Духа (Дѣян. 2, 1—4. 16—21).

Чтобы находиться въ живомъ общеніи съ невидимой Главой, Христомъ Спасителемъ, и жить подъ Его благодатнымъ и спасительнымъ воздѣйствіемъ для сего безусловно необходима вѣра въ Него, какъ невидимую Главу Церкви. *Безъ вѣры невозможно угодити Богу* (Евр. 11, 5); *иже вѣру имѣтъ и крестится, спасенъ будетъ, а иже не имѣтъ вѣры, осужденъ будетъ* (Мр. 16, 16). Лишивъ насъ своего видимаго соприсутствія въ т и о же время давъ обѣщаніе *быть съ нами во вся дни до скончанія вѣка* (Мѳ. 28, 20), Господь вводитъ,

насъ во внутренній подвигъ вѣры. Если бы Онъ оставался съ нами на землѣ и по своему человѣчеству, и былъ зримъ нами тѣлесными очами,—мы бы жили не вѣрою, а видѣніемъ славы Божіей лицемъ къ лицу. Чудо пребыванія съ нами Господа дѣйствовало бы на насъ поражающимъ и подавляющимъ образомъ; вслѣдствіе чего мы не имѣли бы подвига вѣры,—а жизнь безъ подвига лишена бы была нравственнаго достоинства. Нѣтъ, Господь хощетъ, чтобы мы зрѣли Его очами вѣры, чтобы непрестанно представляли и чувствовали Его соприсутствіе съ нами,—ради Него все творили и все терпѣли, какъ бы находясь въ Его присутствіи. Если ветхозавѣтные праведники терпѣли ради Него, какъ бы видя Его, по словамъ св. Апостола (Евр. 11, 27),—хотя образъ Его для нихъ предносился въ общихъ и еще неопредѣленныхъ чертахъ, какъ образъ грядущаго,—то тѣмъ свойственнѣе такое живое умопредставленіе о соприсутствіи Господа намъ, вѣрующимъ Новаго Завѣта, уже видѣвшимъ и слышавшимъ Его. Если въ Ветхомъ Завѣтѣ вѣра вводила сыновъ Завѣта *въ соучастіе страстей Христовыхъ* (Евр. 11, 25, 26) и открывалась въ чрезвычайныхъ подвигахъ, которые съ такою силою описываетъ ап. Павелъ (Евр. 11 гл.), то тѣмъ удобнѣе это нашей вѣрѣ въ Господа, уже совершившаго дѣло нашего спасенія.

Чтобы вѣра наша была благоугодною Господу и спасительною, для сего она должна вводить насъ во внутреннюю сообразность съ Нимъ, т. е. по вѣрѣ мы должны становиться подобными Ему; для сего должны слѣдовать Его ученію, подражать Его примѣру и принимать участіе въ Его страданіяхъ и смерти, посредствомъ таинствъ и распинанія своей грѣховной *плоти съ ея страстьми и похотьми* (Простр. Кат. чл. 4);—все это кратко ап. Павелъ выразилъ въ слѣдующихъ словахъ: *сіе да мудрствуется въ васъ, еже и во Христѣ Іисусѣ* (Филипп. 2, 5.), т. е. тѣ чувствованія и расположенія, по которымъ Христосъ Сынъ Божій низходилъ на землю и отдалъ Себя за спасеніе міра, должны устрояться и въ нашей душѣ, именно: чувства смиренія, послушанія и самоотверженной любви къ ближнему. Это мудрствованіе должно восходить до возможнаго сходства со Христомъ или уподобленія Ему. Устрояя и настрояя свою душу по образу Хри-

ста Спасителя, вѣрующій становится въ одинъ духъ съ Господомъ, отождествляется съ Нимъ. Такимъ образомъ, Христосъ водворяется въ душѣ вѣрующихъ со всѣми благодатными дарами Духа Своего.

Чтобы достигать такой сообразности съ Господомъ и входить съ Нимъ во внутреннее общеніе, для сего необходимо познаніе Господа, размышленіе о Его любви къ человѣку и молитва. Познаніе открываетъ божественныя свойства нашего Спасителя,—размышленіе углубляетъ ихъ разумѣніе,—молитва приближаетъ насъ къ Нему и открываетъ нашу душу для благодатнаго Его воздѣйствія. Такъ зараждается, развивается и усовершается любовь вѣрующаго ко Христу нашему Спасителю. Любовь эта должна главенствовать надъ всѣми родами любви земной. *Иже любитъ отца или матеръ, паче Мене*, сказалъ Самъ Господь, *нѣстъ Мене достоинъ; и иже любитъ сына или дщеръ паче Мене, нѣстъ Мене достоинъ* (Мѳ. 10, 37.).

Такъ выясняется ученіе о главенствѣ Христовомъ, какъ основное ученіе о спасеніи человѣка. *Сей естъ камень, укоренный отъ васъ зиждущихъ*, говорилъ св. ап. Петръ въ обличеніе невѣрующаго Синедріона, *бывый во главу угла; и нѣстъ ни о единомъ же иномъ спасенія. Нѣстъ бо иного имене подъ небесемъ даннаго въ человѣцѣхъ, о немъ же подобаетъ спастися* (Дѣян. 4, 11, 12).

Такъ объясняется и отношеніе вѣрующихъ къ невидимой Главѣ, Господу нашему Іисусу Христу. Всѣ вѣрующіе, и пастыри и пасомые, всѣ одинаково объединяются во Христѣ, какъ радіусы въ своемъ центрѣ, всѣ пребываютъ въ благодатномъ общеніи съ Нимъ, *посредственно* чрезъ пастырей и таинства, совершаемыя пастырями, и *непосредственно*, чрезъ молитву и чувствованіе Его соприсутствія,—и всѣ одинаковыя имѣютъ права участвовать въ благодатныхъ дарахъ Святаго Духа.

Отсюда выясняется и то, какъ необходимо всѣмъ членамъ Церкви Христовой возглавляться во Христѣ,—носить въ своемъ сознаніи живое представленіе о Его соприсутствіи намъ, по Его примѣру жить и Ему уподобляться,—чтобы такимъ образомъ быть во единъ духъ съ Господомъ.

Отсюда же выясняются и опредѣляются взаимныя отноше-

нія какъ пастырей къ пасомымъ, такъ и пасомыхъ къ пастырямъ.

Въ чемъ заключается существо пастырскаго служенія? Если для участія въ Церкви и для спасенія вѣрующихъ необходима вѣра во Христа, какъ главу Церкви и уподобленіе Ему,—то, какъ само собою понятно, первѣйшая и существенная обязанность пастырей въ отношеніи къ пасомымъ состоитъ въ томъ, чтобы приводить ихъ ко Христу, утверждать въ ихъ умахъ мысль о главенствѣ Христовомъ и вводить ихъ въ благодатное общеніе съ Нимъ, научая ихъ *мудрствовать еже и во Христѣ Іисусѣ*.

Проходя это служеніе, и сами пастыри въ свою очередь должны возглавляться во Христѣ. Кромѣ общихъ всѣмъ вѣрующимъ добродѣтелей,—они, какъ пастыри, должны усвоять себѣ еще и духъ пастырскаго служенія Христова: *Азъ есмь пастырь добрый*, говоритъ Онъ земнымъ пастырямъ;—*пастырь добрый душу свою полагаетъ за овцы* (Іоан. 10, 11); т. е. усвоять себѣ духъ кротости, смиренія, долготерпѣнія къ пасомымъ, благости и любви, до готовности положить за нихъ душу свою. Все ихъ служеніе должно совершаться отъ имени небеснаго Пастыреначальника, по Его примѣру, Его благодатною силою и для Его пренебесной славы; забывая себя, въ Немъ одномъ они должны полагать начало, основаніе, продолженіе, конецъ и цѣль своей пастырской дѣятельности.

Подобнымъ образомъ опредѣляются и отношенія пасомыхъ къ своимъ пастырямъ. Вѣрою возглавляясь во Христѣ, какъ Главѣ Церкви, какъ единомъ и истинномъ Пастырѣ, они взираютъ на земныхъ пастырей, какъ на служителей Божіихъ, чрезъ которыхъ дѣйствуетъ, учитъ, священнодѣйствуетъ и правитъ самъ небесный Пастыреначальникъ Христосъ, и потому по заповѣди Его (Лук. 10, 16), пріемлютъ ихъ во имя Христово, во имя же Христово оказываютъ имъ послушаніе и окружаютъ ихъ своимъ вниманіемъ и почитаніемъ. При такомъ воззрѣніи вѣры чрезъ земныхъ пастырей къ небесному Пастыреначальнику, ни высокоименитые пастыри ничего не прибавятъ къ ученію и тайнодѣйствію, ни незнатные, смиренные и худородные, ничего не убавятъ отъ Христова ученія и Христовой благодати.

Такъ главенствомъ Христовымъ утверждаются должныя отношенія между пасомыми и пастырями.

При такихъ отношеніяхъ какъ пастыри служатъ истинными орудіями Христа, приводя пасомыхъ въ живое отношеніе къ Нему, такъ и сіи послѣдніе, почитая пастырей, какъ служителей Христовыхъ, утверждаются прямо во Христѣ, и такимъ образомъ Христосъ является дѣйствительнымъ Главою для тѣхъ и другихъ, основаніемъ и послѣднею цѣлію ихъ дѣятельности и жизни, а потому и благодать Его, не задерживаемая Его орудіями, обильно сообщается всѣмъ вѣрующимъ.

Но вѣра, какъ явленіе нравственной свободы, подлежитъ законамъ развитія, можетъ усовершаться и возвышаться въ силѣ и достоинствѣ,—можетъ извращаться или погасать до совершеннаго безвѣрія; поэтому она требуетъ внимательнаго и заботливаго попеченія о себѣ.

Въ необходимой связи съ достоинствомъ вѣры стоитъ и достоинство пастырскаго служенія. Если вѣра пастыря ясно представляетъ образъ вѣруемаго, т. е. если пастырь ясно сознаетъ и держитъ предъ собою совершеннѣйшій образецъ Христова пастырства и руководствуется имъ,—то несомнѣнно въ своемъ пастырскомъ служеніи онъ можетъ достигнуть высокой степени уподобленія своему первообразу,—можетъ пріобрѣсти силу дѣйственнаго ходатайства за людей, быть посредникомъ между Богомъ и людьми, проводникомъ благодати Божіей съ неба на землю. Если же вѣра въ пастырѣ не развивается и не совершенствуется,—а тѣмъ паче, если угасаетъ отъ порочной жизни,—то, какъ само собою понятно, и пастырское служеніе утрачиваетъ свою силу и значеніе; пастырь безъ вѣры, или пастырь порочный, оскорбляетъ свое служеніе, убиваетъ чувство вѣры въ пасомыхъ, препятствуя ихъ мысли обращаться ко Христу, а ихъ сердцамъ раскрываться для принятія Его благодати,—кратко, такой пастырь не привлекаетъ къ Церкви, а отгоняетъ отъ нея. Но кромѣ оскудѣнія вѣры, можетъ быть еще и извращеніе ея. Такъ, если пастыри по вѣрѣ во Христа ревнуютъ о Его славѣ, но безъ должнаго усвоенія духа Его человѣколюбія,—то они ниспадаютъ въ область земныхъ или плотскихъ воззрѣній. Такую ревность Господь осудилъ въ лицѣ своихъ учениковъ Іакова и Іоанна, просившихъ у

Него позволенія низвести огонь на самарянское селеніе, не принявшее Его. *Не вѣсте, коего духа есте вы*, сказалъ имъ Господь, *Сынъ бо человѣческій не пріиде душъ человѣческихъ погубити, но спасти* (Лук. 9, 54, 55). Подобнымъ же образомъ, пастыри впадаютъ въ плотской образъ представленій о своемъ служеніи, когда свои духовныя права и преимущества смѣшиваютъ съ видами земнаго господства и властвованія; примѣръ чего представляютъ тѣ-же ученики Господа, когда просили у Него первыхъ мѣстъ въ царствіи небесномъ. Господь осудилъ такой плотскій образъ представленій о духовной власти, говоря всѣмъ ученикамъ, а въ лицѣ ихъ и всѣмъ пастырямъ: *вѣсте, яко князи языкъ господствуютъ ими, и велицыи обладаютъ ими. Не такоже будетъ въ васъ: но, иже аще хощетъ въ васъ вящшій быти, да будетъ вамъ слуга, и иже аще хощетъ въ васъ быти первый, буди вамъ рабъ; яко же Сынъ человѣческій не пріиде да послужатъ Ему, но послужити, и дати душу свою избавленіе за многихъ* (Мѳ. 20, 25—28). Подобнымъ же образомъ, пастыри ниспадаютъ съ высоты истинной вѣры въ плотской образъ мыслей, когда преувеличенно смотрятъ на свои благодатныя права и преимущества,—и презрительно на невѣжество и простоту народа,—какъ это мы видимъ въ примѣрѣ іудейскихъ вождей, осужденныхъ Господомъ. Когда слуги архіерейскіе, посланные взять Іисуса Христа во храмѣ, не привели Его по той причинѣ, что они увлечены были Его проповѣдью,—фарисеи, говоря имъ въ отвѣтъ, высказали слѣдующее высокое мнѣніе о себѣ и презрительное—о народѣ: *еда кто отъ князъ вѣрова въ Онъ, или отъ фарисей? Но народъ сей, иже не вѣстъ закона, прокляти суть* (Іоан. 7, 46—49). Господь съ силою обличалъ такое самомнѣніе фарисеевъ, грозя имъ за то горемъ. *Горе вамъ законникомъ, яко взясте ключъ разумѣнія; сами не внидосте и входящимъ возбранисте* (Лук. 11, 52). Подобнымъ же образомъ впадаютъ въ плотской образъ мыслей и тогда, когда вмѣсто того, чтобы вводить пасомыхъ въ живое общеніе съ Господомъ,—останавливаютъ ихъ вниманіе на себѣ, на своихъ преимуществахъ и полномочіяхъ, приводятъ ихъ прежде всего къ общенію съ собою, въ полной увѣренности, что чрезъ это общеніе пасомые потомъ войдутъ

въ общеніе съ Самимъ Господомъ и получать спасеніе. Примѣры такихъ плотскихъ воззрѣній были во времена Апостоловъ (см. 1 Кор. 1—3 гл. Гал. 5 гл.). Въ обличеніе такого рода неправыхъ воззрѣній св. ап. Павелъ внушалъ пастырямъ и проповѣдникамъ, чтобы они не присвояли себѣ самостоятельнаго значенія и какъ бы независимости отъ Господа,— чтобы не останавливали на себѣ и на своихъ достоинствахъ и преимуществахъ взоровъ слушателей, но все направляли во славу Господа,—и въ вѣрѣ и любви къ Нему вѣрующихъ имѣли свое утѣшеніе и свою награду. Такое внушеніе онъ даетъ въ той мысли, что Богъ для сообщенія людямъ своей божественной мудрости и для явленія своей силы избралъ не мудрецовъ и сильныхъ міра сего, но худородныхъ, немощныхъ и простецовъ, и ими посрамилъ людей вѣка сего, считающихъ себя и мудрыми, и сильными, и значущими: — чтобы такимъ образомъ никакая плоть не хвалилась предъ Господомъ,—но чтобы *всякій хвалящійся хвалился о Господѣ* (1 Кор. 1, 27—31). Раскрывши эту общую основную мысль, Апостолъ указываетъ затѣмъ на собственный примѣръ. Будучи въ Коринѳѣ въ немощи, въ страхѣ и въ великомъ трепетѣ, Апостолъ не прибѣгалъ къ какимъ-нибудь человѣческимъ, искусственнымъ мѣрамъ, чтобы поднять себя въ глазахъ слушателей и привлечь ихъ вниманіе къ проповѣди о крестѣ Христовомъ,— для іудеевъ служившей соблазномъ, а для еллиновъ казавшейся безуміемъ, — но предлагалъ ее въ простотѣ слова, и „въ явленіи духа и силы“, — съ тою преднамѣренною цѣлію, чтобы вѣра слушателей утверждалась не на мудрости человѣческой, а на силѣ Божіей (1 Кор. 2, 1—5). И такъ по мысли Апостола, пастыри Церкви должны всемѣрно заботиться о томъ, чтобы не останавливать на себѣ, на своихъ какихъ-либо достоинствахъ, вниманіе пасомыхъ, но скорѣе умалять, смирять себя, и чрезъ то давать возможность пасомымъ прямо и непосредственно взирать вѣрою на Христа Спасителя, и так. обр. входить съ Нимъ въ живое и непосредственное общеніе.

Въ свою очередь и отношенія пасомыхъ къ пастырямъ, смотря по вѣрѣ, могутъ возвышаться, совершенствоваться и достигать полнаго и крѣпкаго единенія съ пастырями, — могутъ и ниспадать, извращаться и доходить до открытой вражды

и отпаденія отъ пастырей въ ересь и расколъ. Такъ, если вѣра пасомыхъ совершенствуется познаніемъ любви Божіей къ человѣку, опытами внутренней жизни, чувствомъ соприсутствія Христова,—то, несомнѣнно, такая вѣра приводитъ пасомыхъ къ разумному, сознательному послушанію пастырямъ, къ крѣпкому съ ними единенію и любвеобильному общенію. Но, не говоря уже о безвѣріи,—и эта вѣра можетъ извращаться и ниспадать въ область плотскихъ воззрѣній. Такъ, если вмѣсто того, чтобы возводить свои взоры отъ пастырей земныхъ, какъ служителей Божіихъ, къ Самому Христу, какъ Главѣ Церкви и верховному Пастырю,—пасомые будутъ останавливать свои духовные взоры только на своихъ пастыряхъ, на ихъ личныхъ достоинствахъ, напр. краснорѣчіи, дарованіяхъ ума, знатности происхожденія, важности мѣста, величіи сана и т. под., какъ будто эти достоинства сами по себѣ придаютъ особенное значеніе ихъ служенію, возвышаютъ мудрость проповѣди и усугубляютъ благодать тайнодѣйствій,—въ то же время будутъ съ пренебреженіемъ относиться къ другимъ, не столь знатнымъ и славнымъ пастырямъ,—въ такомъ случаѣ они стали бы ниспадать изъ области вѣры въ плотской образъ мыслей, уже противный истинному духу Христову. Подобный случай былъ въ церкви Коринѳской, основанной св. ап. Павломъ. Коринѳскіе христіане въ дѣлѣ проповѣди, придавая особенное значеніе личнымъ достоинствамъ проповѣдниковъ, раздѣлились на партіи, изъ которыхъ каждая называлась именемъ того проповѣдника, который казался ей наиболѣе знаменитымъ и достойнымъ почтенія; даже имя Христово понято было въ такомъ же плотскомъ смыслѣ, какъ имя наиболѣе важное и послужило прикрытіемъ партіи. Одинъ говорилъ: я—Кифинъ; другой—я Павловъ; третій—я Аполлосовъ, четвертый—а я Христовъ. Въ такомъ образѣ мыслей проповѣдникамъ Евангелія придавалось нѣкотораго рода самостоятельное значеніе, нѣкоторая независимость отъ Христовой благодати,—какъ будто бы проповѣдники своими достоинствами придавали проповѣди больше значенія и силы, чѣмъ сколько она имѣетъ сама по себѣ и по дѣйствію Духа Божія. Почему Апостолъ, назвавъ Коринѳянъ *плотскими*, для вразумленія ихъ писалъ: *развѣ Павелъ распялся за васъ или во имя Павла вы крестились: Кто Павелъ? кто Апол-*

лось? Они только служители, чрезъ которыхъ вы увѣровали и при томъ по скольку каждому далъ Богъ. Я насадилъ, Аполлосъ поливалъ, но возрастилъ Богъ. Посему и насаждающій и поливающій есть ничто, а все Богъ возращающій (1 Кор. 2, 3—8).

Такимъ образомъ, въ жизни Церкви соблюдается свобода отношеній, которая въ основѣ своей держится на вѣрѣ въ главенство Христово, а въ развитіи совершенствуется, при помощи благодати Божіей, познаніемъ и усиліями воли.

Отсюда становится понятнымъ, что какъ для пастырей въ ихъ служеніи, такъ и для пасомыхъ въ ихъ отношеніяхъ къ пастырямъ, столь же свойственно ниспадать въ плотской образъ мыслей, какъ вообще свойственно человѣку недоумѣвать, заблуждаться и грѣшить. Особенно близка эта опасность пастырямъ церкви. Отъ простаго пресвитера до высшаго іерарха,—каждому всегда предстоитъ искушеніе увлечься своими духовными правами и преимуществами, преувеличить значеніе ихъ въ дѣлѣ спасенія людей, и ревновать объ ихъ поддержаніи и распространеніи,—и нужна большая осторожность и внимательность къ себѣ, чтобы устоять противъ этого искушенія. Одно только можетъ и должно предохранять пастыря,—это именно ясное представленіе объ истинномъ духѣ Христовомъ, духѣ Его человѣколюбія. Сынъ человѣческій приходилъ не погублять души, но спасать, не да послужатъ Ему, но послужити и дати душу свою избавленіе за многихъ.

Таково, по нашему убѣжденію, православное ученіе о главенствѣ Христовомъ. Оно такъ важно во всей своей совокупности, что въ немъ нельзя поступиться ни одною составною частью, ни одною частною мыслію; съ измѣненіемъ ученія послѣдуетъ измѣненіе въ самомъ строѣ внутренней церковной жизни,—какъ это мы и видимъ въ латинской церкви.

Въ латинской Церкви, къ которой мы теперь переходимъ, ученіе о главенствѣ Христовомъ, дѣйствительно, такъ измѣнено, что это измѣненіе отражается на всемъ строѣ ея церковной жизни. То, что мы назвали ниспаденіемъ въ область плотскихъ воззрѣній,—то именно совершилось въ ней и повело къ тѣмъ послѣдствіямъ, которыя при семъ были неизбѣжны и логически необходимы.

Въ латинской Церкви хотя и признается главенство Христово, но на самомъ дѣлѣ его нѣтъ; оно перешло въ главенство папы, и оказывается устраненнымъ, излишнимъ, недѣйствующимъ. Папа есть *намѣстникъ Христа*, или, какъ выражаются сами папы, *намѣстникъ Бога на землѣ* (папа Иннокентій III). Это слово *намѣстникъ* понимается латинскою Церковію, т. е. самими папами, наукой и журналистикой, въ самомъ широкомъ и исключительномъ смыслѣ. Христосъ, покидая міръ, вмѣсто Себя оставилъ ап. Петра *со всей полнотой своей власти*, а ап. Петръ, оставляя міръ, въ свою очередь передалъ эту полноту власти своимъ преемникамъ въ Римѣ, папамъ. Такъ преемственно продолжается на землѣ *намѣстничество Христово*, или же по выраженію папъ, *намѣстничество Божіе*. Папа не служитель только Божій, не домостроитель тайнъ Божіихъ, какъ ап. Павелъ именовалъ себя и другихъ апостоловъ, но обладатель всей Христовой власти, продолжатель на землѣ дѣла Христова, какъ бы Самъ Христосъ, видимый Спаситель. „Какъ Христу по воскресеніи дана власть на небеси и на земли, такъ и папѣ безусловно принадлежитъ власть свѣтская и духовная“,—возвѣщаетъ міру папа Иннокентій III (въ буллѣ Novit). „Всѣ крещеные суть подданные папы и подлежатъ его суду“, говоритъ папа Бонифацій VIII. „Съ каждымъ папою Христосъ пребываетъ *вполнѣ* и *совершенно* въ таинствѣ и авторитетѣ,“—учитъ Ѳома Аквинатъ. Въ папѣ продолжается Боговоплощеніе, или соединеніе божества съ человѣчествомъ, занимающее средину между соединеніемъ *ипостаснымъ* и *нравственнымъ*, учатъ новѣйшіе богословы (напр. Дирингеръ [1]). Папѣ вручены ключи царствія небеснаго. Какъ распорядитель небесной сокровищницы папа простираетъ свои дѣйствія не только на живыхъ, но и на умершихъ; посредствомъ индульгенцій онъ восполняетъ грѣшнымъ людямъ ихъ недостатки въ добрыхъ дѣлахъ, сокращаетъ сроки ихъ посмертнаго очищенія въ чистилищномъ огнѣ и вводитъ ихъ въ рай. Кратко, папа, за отсутствіемъ Христа Спасителя, есть полновластный управитель Его св. Церквію. Самъ Христосъ поставилъ его за Себя, поэтому къ нему нужно относиться такъ, какъ бы относились къ Самому Христу,

[1]) Kath. Dogmatik von Dieringer, p. 514—515.

если бы Онъ оставался на землѣ [1]), проповѣдуетъ римская газета Цивильта. Таково ученіе о намѣстничествѣ папы.

И такъ, папа есть глава церкви въ собственномъ и буквальномъ смыслѣ, какъ намѣстникъ Христовъ. Всѣ католики возглавляются въ немъ, — сперва епископы, а за ними—ихъ паствы. Катихизисъ Дегарбэ учитъ: „единство и порядокъ въ церкви сохраняется тѣмъ, что каждый вѣрующій находится въ подчиненіи у своего приходскаго священника,—всѣ священники—у своего епархіальнаго епископа, а всѣ епископы—у св. отца—папы". Такимъ образомъ латинская Церковь представляетъ законченное пирамидальное зданіе: нижніе слои составляетъ народъ, средину—іерархія, вершину—папа. Но эта то именно видимая цѣльность и законченность нарушаетъ и подавляетъ внутреннюю жизнь латинской церкви.

Прежде всего у католика нѣтъ истинной вѣры во Христа и не можетъ быть: взоры его вѣры обращены на папу, какъ на Христова намѣстника, имъ задержаны и на немъ остановлены. Папа замѣняетъ католику Христа, папа служитъ для него посредникомъ предъ Богомъ, папа обѣщаетъ и даетъ ему спасеніе,—чего же еще нужно? что прибавлять къ этому? Зачѣмъ крестьянинъ будетъ обращаться къ владѣтелю имѣнія, живущему въ чужихъ краяхъ, когда въ имѣніи живетъ управляющій, снабженный отъ владѣтеля всѣми полномочіями? Такъ и католику—зачѣмъ обращаться ко Христу, когда полнота Его власти почиваетъ на папѣ? Правда, католика учатъ вѣрить, „что Іисусъ Христосъ есть истинный Богъ", но эта вѣра ему дозволяется только для того, чтобы имѣть увѣренность въ томъ, что „Его божественный авторитетъ пребываетъ въ Церкви въ лицѣ папы", — т. е. ему дозволяется вѣрить въ божество Іисуса Христа на столько, на сколько это нужно чтобы успокоиться въ папѣ. Такимъ образомъ и въ самой вѣрѣ опять главенствуетъ папа; онъ есть мѣрило истины. Поэтому, если бы даже католикъ и захотѣлъ должнымъ образомъ, т. е. свободно и по убѣжденію, вѣровать во Христа, онъ не можетъ этого сдѣлать; онъ долженъ вѣровать во Христа такъ, какъ позволяетъ папа,—подражать Ему такъ, какъ попускаетъ папа.

[1]) Janus, стр. 43, гдѣ приводится и самый текстъ изъ Цивильты на италіанскомъ языкѣ, p. 259.

Католикъ взираетъ на Христа только очами папы. Въ Церкви латинской нѣтъ объективной истины, а есть личная — папы. Истиной Христовой католикъ не можетъ повѣрять папу, — а напротивъ папой повѣряетъ истину Христову [1]). Всякое поползновеніе,—сличать образъ папы съ образомъ Христа въ Евангеліи, клеймится проклятіемъ, какъ поползновеніе протестантское, дерзновенное, еретическое,—и въ прежнія времена наказывалось инквизиціей и сожженіемъ на кострѣ. Такъ погибли ревнители Евангелія Гусъ, Іеронимъ пражскій, Савонарола и под.

Вмѣстѣ съ вѣрою утрачивается внутреннее подвижничество нашего духа. Христосъ, какъ мы выше раскрыли, соприсутствуетъ намъ невидимо, для того, чтобы мы взирали на Него очами вѣры. Православные такъ и понимаютъ это; сообразно съ этимъ такъ и располагаютъ образъ своихъ мыслей и чувствованій. Для католика, напротивъ, Христосъ замѣненъ видимостію; въ папѣ онъ видитъ продолжателя Христа, Его преемника, намѣстника, полномочнаго замѣстителя. Какъ Апостолы вѣровали во Христа, что Онъ есть Сынъ Бога живаго, и за это они названы блаженными; такъ и католики вѣруютъ въ папу, что въ немъ пребываетъ Божественный авторитетъ со всею полнотою Христовой власти,—и за это получаютъ спасеніе. Слѣдовательно, всякая истина познается и пріобрѣтается не внутренними усиліями вѣры, не внутреннимъ подвигомъ,—а внѣшнимъ образомъ, такъ сказать, приложеніемъ папскаго штемпеля. Гдѣ папа—тамъ истина, папа—мѣрило истины.

---

[1]) Католики обречены на религіозное невѣжество.—Въ своихъ комментаріяхъ папа Инокентій III писалъ: «для мірянъ довольно знать, что есть Богъ, награждающій всѣхъ добрыхъ, а въ остальномъ implicite подразумѣвательно вѣровать всему, во что вѣруетъ Церковь. Напротивъ, епископы и исповѣдники должны отчетливо знать члены апостольскаго исповѣданія; прочимъ же духовнымъ, если они не особенно даровиты, — довольно знать столько же, сколько и міряне, развѣ только съ прибавленіемъ того, что въ таинствѣ причащенія предлагается тѣло Христово (corficitur, gesetzt werde) Commentar in Decr. l. 2. Отсюда естественно, что мірянамъ запрещается читать библію на родномъ языкѣ и вести бесѣды частно или публично о дѣлахъ вѣры. Буллою Александра IV они подпадали за это церковному отлученію, а оставаясь годъ подъ онымъ, могли быть притянуты къ инквизиціи (Sext. Dec. 5, 2.). Janus p. 176.

Вслѣдствіе такого отношенія ко Христу католика,—онъ не можетъ должнымъ образомъ уподобляться Христу и входить въ сообразность съ Нимъ, потому что католикъ не можетъ понять и усвоить себѣ духъ человѣколюбія Христова. Если онъ будетъ взирать на Христа только сквозь призму папизма, онъ никогда не увидитъ образа Христова въ цѣльности, но всегда въ разложеніи на радужные цвѣта. Католикъ слышитъ проповѣдь о Христѣ, о Его жизни, о Его совершенствахъ, но никогда не услышитъ рѣчи о чрезвычайной и всеобъемлющей любви Его къ человѣку, въ той силѣ, въ какой это нужно, чтобы подорвать латинскую нетерпимость и фанатизмъ. Христосъ не понятъ въ Римѣ, и никогда не можетъ быть понятъ, пока тамъ живетъ Его намѣстникъ, въ которомъ нѣтъ соотвѣтствія образу Христа: настоящее пониманіе духа Христова потребовало бы измѣненія въ Его отображеніи, въ папѣ.

Когда такимъ образомъ вѣра во Христа не можетъ быть центральною добродѣтелью католика,—ея мѣсто заняла добродѣтель спеціально *латинскаго характера*—это *рабское послушаніе*. Папа—непогрѣшимое правило вѣры; надо принимать все, чему онъ учитъ, къ чему обязываетъ вѣровать, что выдаетъ за догматъ. „*Церковь есть рабыня папы*“—вотъ классическое выраженіе сущности папизма (Каэтанъ). „Церковь должна принимать всякое ученіе, какое папѣ угодно будетъ предписать ей,—учитъ знаменитый Беллярминъ;—о какомъ нибудь изслѣдованіи не можетъ быть и рѣчи; безъ всякихъ разсужденій, не смотрѣвши, Церковь должна вѣрить, что все, чему учитъ папа, безусловно истинно, что повелѣваетъ—безусловно хорошо, что запрещаетъ безусловно худо и вредно. Если бы даже папа точно погрѣшилъ (напр. предписалъ грѣхъ и осудилъ добродѣтель); то и тогда Церковь обязана считать грѣхъ за благо, а добродѣтель за зло, если она не хочетъ идти противъ своей совѣсти [1]). Поэтому, если папа разрѣшаетъ подданныхъ отъ присяги Государю (на что по Беллярмину, онъ имѣетъ полное право), то Церковь должна вѣрить, что

[1]) «Si autem papa erraret praecipiendo vitia, vel prohibendo virtutes, teneretur Ecclesia credere vitia esse bona et virtutes mala, nisi vellet contra conscientiam peccare». De Rom. Pontif. 4, 5, ed. Paris 1643 p. 456.—Janus p. 414—415.

совершаетъ нѣчто доброе, и каждый христіанинъ долженъ считать за грѣхъ оставаться вѣрнымъ и послушнымъ своему государю [1]). Тотъ же богословъ разсуждаетъ о Соборахъ, что со стороны ихъ это была извращенная притязательность—подвергать изслѣдованію и одобренію папскія рѣшенія въ дѣлахъ вѣры.—Епископъ Корнелій Муссо битонскій проповѣдывалъ въ Римѣ: „что говоритъ папа, то мы должны принимать, какъ если бы это говорилъ Самъ Богъ. Въ дѣлахъ божественныхъ мы считаемъ его Богомъ; и въ таинствахъ вѣры я повѣрилъ бы одному папѣ болѣе, чѣмъ тысячамъ Августиновъ, Іеронимовъ, Григоріевъ“ [2]). О. Шмитцъ въ своей брошюркѣ о непогрѣшимости папы, изданной въ свѣтъ для приготовленія читателей къ принятію новаго догмата, — пишетъ: „Церковь стоитъ тѣмъ, что Спаситель далъ главу, которой всѣ члены ея въ нисходящемъ порядкѣ обязаны непосредственнымъ и посредственнымъ послушаніемъ. Слѣдовательно *сверху внизъ только права, снизу вверхъ только обязанности*. Такое *послушаніе* образуетъ единство и сохраняетъ порядокъ“ [3]). Это послушаніе мы назвали спеціально латинскою добродѣтелью, потому что только въ латинской Церкви оно доводится до той крайности, когда попираются всѣ права человѣка-христіанина, когда отнимается у него разумъ, — и онъ лишается свободы. И въ восточной Церкви послушаніе цѣнится высоко, какъ одна изъ высшихъ добродѣтелей,—но оно понимается какъ воспитательное средство,—какъ лучшій и совершеннѣйшій путь къ искорененію въ человѣкѣ грѣховной воли, упрямства, своенравія и самомнѣнія,—и въ то же время, какъ превосходное средство къ насажденію и укорененію въ душѣ добрыхъ расположеній: смиренія, незлобія, самоотверженія и вообще всѣхъ добрыхъ навыковъ. Въ латинской же Церкви—послушаніе есть средство держать христіанина всегда въ состояніи дѣтства и постоянной зависимости отъ церковной власти. Въ орденѣ іезуитовъ,—этомъ, такъ сказать, сконцентрированномъ латинствѣ,—*послушаніе* практикуется какъ средство подавить въ душѣ человѣка

---

[1]) Janus 415.

[2]) Conciones in ep. ad Romanos p. 606. Janus p. 404.

[3]) Stimmen aus der Kath. Kirche. Ist der Papst persönlich unfehlbar?—von Schmitz, 1870 г. стр. 111.

сознаніе различія между добромъ и зломъ и сдѣлать его слѣпымъ орудіемъ чужой воли, всегда готовымъ какъ на добро, такъ и на зло“ [1]).

Этою добродѣтелію опредѣляются и взаимныя отношенія пастырей и пасомыхъ латинской Церкви. Какъ православные пастыри должны приводить ко Христу всѣхъ вѣрующихъ; такъ латинскіе пастыри должны всѣхъ приводить къ покорному и безусловному *послушанію* папѣ,—намѣстнику Христову. Утративъ свои древнія права и ставши къ папѣ въ отношенія подчиненія, какъ пресвитеры къ своимъ епископамъ, — латинскіе епископы предъ своимъ посвященіемъ даютъ папѣ присягу, въ которой обѣщаются „защищать, пріумножать и распространять права, почести, преимущества и авторитетъ св. римской Церкви, государя нашего папы и преемниковъ его“, а вмѣстѣ съ симъ „еретиковъ, схизматиковъ и противящихся папѣ сколько возможно гнать и преслѣдовать“. Послѣ такой присяги все пастырское служеніе епископовъ будетъ состоять въ томъ,— чтобы эти обязательства передать пасомымъ и наблюдать за ихъ усерднымъ выполненіемъ. Для чего они должны развить въ пасомыхъ представленіе о величіи и высокомъ достоинствѣ папы и утвердить ихъ въ мысли, что папа есть намѣстникъ Христовъ, и что безъ него нѣтъ Церкви и нѣтъ спасенія,—а вмѣстѣ съ симъ—породить, развить и укрѣпить чувство ненависти, вражды и нетерпимости къ еретикамъ и схизматикамъ. По тому и другому предмету заботъ пастырей увлеченіе съ ихъ стороны, какъ знакъ усердія, какъ плодъ благочестиваго настроенія, не только естественно, но и желательно и спасительно. Чѣмъ ревностнѣе выполняются епископами ихъ обязательства, чѣмъ болѣе усердія въ данномъ направленіи, тѣмъ тверже единство латинской Церкви, тѣмъ полнѣе ея жизнь. Отсюда легко объясняется, какимъ образомъ ревнители

[1]) Obedientia tum in executione, tum in voluntelte tum in intalectu sit, in nobis semper omnia ex parte perfecta, omnia justa esse nobis persuadendo, omnem sententiam ac judicium nostrum contrarium caeca quadam obedientia abnegendo. Justit. Soc. Jesu. Prag e 1757. 1408.—47 правило Игнатія Лойолы для іезуитовъ гласитъ: Tu debes esse machina in manibus praepositi tui, non potes habere voluntatem suam, rationem, vim, omnes haec res debent laborare pro majore gloria Dei.—Obedientia sancta est, et debet esse sine interrogatione.

БИБЛІОТЕКА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ АКАДЕМІИ.

нанства, какъ напр. Беллярминъ, могли дойти до такой дерзости, что папу называли *Вице-Богомъ* на землѣ,—равно объясняется и то, почему такіе типы религіознаго фанатизма, какъ Игнатій Лойола, Петръ Арбуэзъ, Іоасафатъ Кунцевичъ и под. могутъ быть чтимы какъ святые, — т. е. именно потому, что они суть представители латинской добродѣтели, религіозной *ревности*. — Такъ выясняется вторая добродѣтель латинской Церкви—именно *ревность* о папѣ,—которая при невозможности католика понять чистый образъ Христа и усвоить духъ Его человѣколюбія,—во всѣхъ истыхъ католикахъ переходитъ въ *фанатизмъ*. На этомъ основаніи, настоящій папизмъ, нормальный, вѣрный своей идеѣ,—есть папизмъ римскій, ультрамонтантскій, или, точнѣе, іезуитскій. Папизмъ же спокойный, равнодушный, терпѣливый, уже измѣняетъ своей идеѣ и не есть настоящій папизмъ;—если онъ не граничитъ съ индифферентизмомъ въ вѣрѣ или съ безвѣріемъ, онъ приближается къ православію. Въ томъ и другомъ случаѣ онъ не можетъ быть одобренъ въ Римѣ,—и потому, когда мы говоримъ о папизмѣ, мы вездѣ разумѣемъ папизмъ, какой идетъ изъ Рима.

Перейдемъ теперь къ разсужденію относительно главы латинской церкви—папы и спросимъ: какая въ немъ центральная добродѣтель, которою опредѣляются его отношенія какъ къ невидимой Главѣ Христу, такъ и ко всѣмъ сынамъ латинской церкви? Безъ сомнѣнія, вѣра;—она должна быть живымъ началомъ въ его сознаніи, опредѣляющимъ его отношенія и дѣятельность. Но этотъ отвѣтъ не разрѣшаетъ всѣхъ возникающихъ при семъ недоумѣній. Папа не простой пастырь, какъ мы понимаемъ по православному положеніе нашего епископа;—папа—намѣстникъ Бога,—носитель всей полноты Христовой власти,—лице, въ которомъ продолжается Боговоплощеніе,—т. е. Духъ Святый пребываетъ въ соединеніи, среднемъ между *ипостаснымъ* и *нравственнымъ*. Какъ такое лицо, онъ долженъ носить въ себѣ сознаніе своихъ полномочій и своей чрезвычайной Боговдохновенности. Какъ же вѣра будетъ относиться къ такому сознанію? Нужно помнить, что вѣра есть дѣло свободы и внутренняго подвига; она можетъ колебаться, возвышаться и упадать. Поэтому, если мы признаемъ ее основаніемъ служенія папы и его отношеній ко всему католическому міру,—

какъ это мы признаемъ въ нашихъ православныхъ пастыряхъ, то тѣмъ самымъ мы признаемъ въ немъ возможность колебаній въ вѣрѣ, т. е. возможность высокаго подъема ея и возможность глубокаго упадка во тьму невѣрія и заблужденій,—какъ опять признаемъ эту возможность въ нашихъ пастыряхъ. Но по теоріи папизма этого признать никакъ нельзя; въ такомъ случаѣ папа былъ бы низведенъ въ рядъ обыкновенныхъ пастырей, облеченныхъ епископскимъ саномъ; въ немъ ничего бы не было великаго и чрезвычайнаго. Но папа—намѣстникъ Христа;—благодать его первосвященства дѣйствуетъ въ немъ и помимо его вѣры, всею полнотой Христовой власти,—всею силою Духа Божія;—иначе погибло бы священство на землѣ. Поэтому въ отвѣтъ на предложенный нами выше вопросъ—объ основной добродѣтели папы—надо идти не отъ вѣры, а отъ его сознанія обитающихъ въ немъ даровъ. Вѣра можетъ существовать и дѣйствовать въ папѣ въ его частной жизни,—какъ его лично опредѣляющее начало; но въ оффиціальномъ его положеніи и служеніи одной вѣры мало,—даже ее можетъ и совсѣмъ не быть,—ибо не мало было папъ невѣрующихъ,—потребно нѣчто другое, болѣе дѣйствительное, болѣе неизмѣнное и твердое. Что же это такое? Если папѣ дарована полнота власти Христовой, если въ немъ обитаетъ и въ отправленіи имъ его верховныхъ обязанностей всегда дѣйствуетъ Духъ Святый и если къ этому прибавимъ, что эти полномочія и это дѣйствованіе Духа Святаго обнаруживаются тѣмъ сильнѣе и становятся тѣмъ благоплоднѣе, чѣмъ яснѣе сознаніе такой благодати,—то понятно, что центральную добродѣтель въ папѣ составляетъ именно это ясное сознаніе. Въ подъемѣ этого сознанія и заключается идеалъ папской добродѣтели и папскаго величія. Такъ было во Христѣ,—подобное должно быть въ его намѣстникѣ. Христосъ Спаситель носилъ въ Себѣ сознаніе своего Божественнаго величія, своего единосущія и равенства съ Богомъ Отцемъ. Такъ и Его намѣстникъ—папа носитъ въ себѣ сознаніе всей полноты Христовой власти и чувство обитанія въ немъ Духа Божія. Христосъ Спаситель взывалъ и взываетъ всему міру: *Азъ есмь свѣтъ міру* (Іоан. 8, 12); *Азъ есмь путь, истина и животъ* (14, 6), *и никто же пріидетъ ко Отцу, токмо Мною*, (14—6). Подобно и на-

мѣстникъ Его объявляетъ всему міру, что свѣтъ истины сіяетъ только въ немъ; что въ его лицѣ непоколебимое и непогрѣшимое основаніе Церкви Христовой и потому только чрезъ признаніе его главенства и подчиненіе ему—возможно спасеніе для людей. Христосъ Спаситель, призывая къ себѣ людей, говоритъ: *пріидите ко Мнѣ вси труждающіися и обремененніи, и Азъ упокою вы* (Мѳ. 11, 28). Такъ и намѣстникъ Его папа зоветъ къ себѣ всѣ народы или чрезъ своихъ миссіонеровъ, или чрезъ свои посланія,—обѣщая всѣмъ спасеніе въ лонѣ римской Церкви. Словомъ,—намѣстникъ Христовъ дѣйствуетъ съ полнымъ сознаніемъ своего званія—намѣстника. И исторія намъ свидѣтельствуетъ, что папы именно тогда и приближались къ идеалу своего служенія, когда собственное ихъ самосознаніе достигало наибольшей силы и высоты. Величіе такихъ папъ, какъ Николай I, Григорій VII, Иннокентій III, Бонифацій VIII, состояло именно въ чрезвычайномъ подъемѣ ихъ самосознанія.

Логически неизбѣжнымъ послѣдствіемъ такого самосознанія было и есть *стремленіе* къ *господству* и *ревность* о сознанныхъ полномочіяхъ. Папы не могли дѣйствовать по примѣру ап. Павла, раскрытому нами выше, т. е. умалять себя, чтобы тѣмъ яснѣе открывалась чрезъ нихъ сила Божія,—напротивъ, они поставили себя центромъ нравственно-религіознаго міра, и подчинили себѣ всю западную половину Церкви. Все, что имѣло въ себѣ признаки самостоятельности и свободы,—все было порабощено, подавлено, попрано. Самое главное и существенное изъ этого—похищена была у вѣрующихъ свобода ихъ во Христѣ,—свобода вѣры и жизни,—свобода живыхъ и непосредственныхъ отношеній къ невидимой Главѣ Церкви;—вмѣстѣ съ этимъ ими утрачены были и права на участіе во всѣхъ благодатныхъ дарахъ Царствія Божія. Все было поглощено папою. Церковь, дѣйствительно, стала рабынею папы.

Чѣмъ выше, такимъ образомъ, поднималось самосознаніе папъ, и вмѣстѣ, чѣмъ болѣе права переходили съ Церкви на одно лице—намѣстника Христова,—тѣмъ сильнѣе возбуждалась въ нихъ забота объ охраненіи своихъ правъ и полномочій, и тѣмъ крѣпче, глубже и тверже укоренялся духъ истребительной *ревности*. Отсюда становится понятнымъ, почему

такіе папы, какъ Иннокентій III ополчали на еретиковъ католическіе народы и не находили въ томъ ничего противнаго истинному духу Христову; почему въ Римѣ радовались и благодарили Бога за Варѳоломеевскую ночь, о которой съ ужасомъ и отвращеніемъ повѣствуетъ исторія; почему папа Пій IX въ канонизаціи Петра Арбуэза и Іоасафата Кунцевича—освятилъ свирѣпый *фанатизмъ*. Все это дѣлалось и дѣлается потому, что *фанатизмъ* составляетъ существо духа и настроенія латинской Церкви.

И такъ, главенствомъ папы, какъ мнимаго намѣстника Христова, извращается весь строй и складъ духовной жизни вѣрующихъ во Христа. Основныя начала христіанской жизни—вѣра во Христа и уподобленіе Ему, замѣнены другими спеціальными добродѣтелями, и не могутъ раскрываться въ ней во всей своей силѣ, и если раскрываются, то или какъ исключенія, или какъ несовершенныя добродѣтели, окрашенныя цвѣтомъ слѣпого послушанія и нехристіанской ревности.

Мы не судимъ и не смѣемъ судить папизмъ латинской Церкви; но онъ уже осужденъ словомъ Божіимъ. Какъ мы видѣли,—самимъ Господомъ осуждены всѣ раскрытыя нами свойства папизма: его *господство и властвованіе*,—его духъ ложной *ревности*, его *самомнѣніе* и *присвоенная имъ монополія* знанія (см. выше стр. 4). Папизмъ, если подвести его годъ взглядъ ап. Павла на раздѣленіе коринѳянъ, осуждается имъ, какъ ниспаденіе съ высоты вѣры въ плотской образъ мыслей;—ибо паписты, какъ раздѣлившіеся коринѳяне, говорятъ о себѣ: мы Петровы, какъ будто Петръ распялся за нихъ, или во имя Петрово они крестились. Этимъ образомъ мыслей всѣ вѣрующіе опять обращаются въ духовное рабство, и хотя считаются вѣрующими во Христа, но въ существѣ дѣла, по выраженію того же Апостола, *остаются безъ Христа и отпадаютъ отъ благодати* (Гал. 5, 4).

Поэтому, если бы намъ, православнымъ, пришлось когда-нибудь входить съ латинами въ соглашеніе относительно соединенія Церквей, то, разумѣется, первымъ условіемъ такого соглашенія было бы отреченіе папы отъ незаконнаго и дерзновенно-присвоеннаго имъ названія намѣстника Христова въ исключительномъ смыслѣ.

Протоіерей **А. Лебедевъ.**

Извлечено изъ журнала «Странникъ» за 1887 годъ.
Дозв. ценз. Спб. 12 янв. 1887 г. Тип. С. Добродѣева, Ковенскій, № 14.

Московскаго Археологическаго Общества
Библиотека Коммунистической Академии.